

«Самое главное свойство математика – это умение рассуждать»

Предлагаем вашему вниманию беседу Андрея Васильевича Кочергина с журналистом и писателем Игорем Свиначенко, которая состоялась в рамках подготовки книги «Наш Эконом».

Игорь Свиначенко: Интересно – а как вы попали сюда, на факультет? Вопрос вроде простой, а сколько я уже услышал в ответ потрясающих историй! Неожиданно для себя. Мне-то казалось, что ваш брат поголовно хотел стать великим экономистом, вот как мы летчиками.

Андрей Кочергин: Я случайно попал.

И.С.: Многие ваши коллеги говорят об этом – что попали случайно, а мечтали о чем-то другом. Вот вы – о чем мечтали?

А.К.: Я заканчивал аспирантуру мехмата, меня собирались там оставить... Я с седьмого класса уже пасся на мехмате, на кружок ходил.

И.С.: А когда вы заметили в себе склонность к математике?

А.К.: В первом классе. Я в первом классе учился за городом, на даче. Там в одной комнате сидели три класса, с первого по третий, а на эти три класса – одна учительница. Это под Москвой, поселок Победа, апрелевская школа №2. (Учительниц вообще было две, мама и дочка, но вторая работала с четвертым классом.) Я быстренько свое задание делал, за первый класс, и, значит, тянул руку: «Маргарита Павловна, можно я за третий класс буду решать задачки?» Я столбиком научился делить в первом классе.

Там, правда, контингент был... Победа – это был такой рабочий поселок, там напротив как раз строили Апрелевское депо. Бывшие зеки на стройке работали... Мама ходила в школу ругаться, что мне ни за что пятерки там

ставят. Я там намажу в тетрадке, а мне все равно пятерку ставят.

Учительница оправдывалась: «Если я ему поставлю тройку, что я буду ставить другим?» И на этом фоне я как-то выделился, ощутил себя. А во втором классе – в московскую школу пошел и, конечно, там с троек начал. Догнал я быстро, просто перестроиться пришлось. Я уже по духу отличник был, – так что куда деваться? В седьмом классе я узнал, что такое мехмат – и всё.

И. С.: Теперь вы мне расскажите. «Мат» – понятно, это математика, расчеты какие-то. А «мех» – это когда траектория баллистической ракеты рассчитывается, да?

А.К.: Да, да, да. Но не только. В создании танка Т-34 участвовали тоже «мехаматяне», там были лауреаты Сталинской премии – как раз за тот танк. Там много чего надо было вычислять...

И. С.: Ну, например, что? Это же уже не военная тайна?

А. К.: Такой пример простой. Танк сделали, а у него гусеницы разваливаются – от вибрации. И один математик, Ковалев, который читал лекции по матанализу – просто предложил изменить соотношение количества зубьев на шестеренках, сделать их взаимно простыми. (Там зубчатая передача.) Взаимно простыми – чтоб у них общего делителя не было. Ну, 5 и 13 – а не 6 и 12. Это снизило возможность резонанса. Это я уже в детстве знал. Что, если две шестеренки одинаково крутятся, то они одинаково и колеблются... А надо чтоб они не резонировали.

И. С.: Да, два мира, два детства...

А.К.: Вот в Волгограде мост чуть не развалился под влиянием ветра, вот этот новый. Потому что абсолютно одинаковые пролеты были, и они как начали колебаться синхронно – то мост пошел вразнос. Я сразу понял, как это надо устранять: либо дополнительную массу навесить на пролеты, – либо, наоборот, их жесткость изменить. Чтоб у пролетов была разная собственная

частота. Так вот тот профессор, лауреат Сталинской премии за танк Т-34 – у меня лекции читал – Крейнес Михаил Александрович.

И. С.: И вот мы плавно подбираемся к вопросу о вашем приходе на Экономический факультет – кем видели вы себя в математике?

Преподавателем в апрелевской школе для хулиганов – или академиком? Что вы хотели?

А. К.: Да я так конкретно не мыслил. Ну, меня хотели оставить на мехмате одни люди, а другие – не захотели. Победили те, кто не захотел...

И. С.: Я так понимаю, вы пошли в математику потому, что с ней у вас получалось.

А. К.: Именно так. Может, потому, что я ничего не умел другого...

Сочинения всегда плохо писал. А учился я в Москве в матшколе. Она в то время была лучшая в Москве, 444-я. Тогда – лучшая, сейчас – хорошая.

Короче партийное бюро факультета не рекомендовало меня на мехмат, но тут же рекомендовало почему-то на экономический.

На факультет пришел я в 1972-м.

И. С.: И какими были тогда студенты? Как их сравнить с сегодняшними?

А. К.: Студенты – они всегда студенты...

И. С.: Вы хотите сказать, что математики, они всегда такие вот – немножко Перельман?

А. К.: Ну, почему обязательно Перельман? Математик Арнольд, ученик Колмогорова – тоже мировая звезда, был вполне себе жизнелюб. Большой жизнелюб! Ходил в походы, любил женщин. Женщины его тоже любили. Мы с ним сталкивались на Московской математической олимпиаде, он там был председатель оргкомитета. А я там был старший по какому-нибудь классу. У

Арнольда учеников много, – в отличие от Перельмана. И его ученики широко известны в математическом мире, по крайней мере. Так что образ великого математика – это скорее Арнольд, а не Перельман.

Я не ценил того, что настолько близко был знаком с такими людьми...

Половину последних академиков я знал лично. С Колмогоровым был знаком!

Эх, надо было больше с ними общаться! Я как раз в первом поколении интеллигент, я не знал очень многих вещей, я очень многое упустил, потому что не понимал элементарных вещей, которые для многих с детства очевидны. Это техника общения, техника взаимодействия с людьми...

И. С.: А вы видите, в первом поколении человек интеллигент – или не в первом?

А. К.: Да сразу не увидишь...

И. С.: А что главное в математике?

А. К.: Делать выводы! Самое главное свойство математика – это умение рассуждать.

И. С.: Очень интересно. А это свойство «рассуждать» – оно или есть, или его нет? Или этому вы можете научить?

А. К.: Не всех можно научить... Но вот есть люди, которые чувствуют человеческие страсти – они, может, еще важнее для экономики. Экономисты, я бы грубо сказал, бывают двух сортов: одни чувствуют пропорции, тенденции, а другие чувствуют человеческие страсти. А, собственно, вся экономика приводится в движение человеческими страстями.

И. С.: Я почему-то сразу подумал про Гайдара.

А. К.: Нет, Гайдар мелковат. Может, человек он хороший, но... Он хорошие статьи писал в «Коммунисте». Но это был анализ задним числом. Гавриил

Харитонович Попов тоже замечательный анализ проводил, но – тоже задним числом.

И. С.: Но Гайдар и поруководил немного, не задним числом, а в режиме online.

А. К.: Но вот получилось у него немножко не так. Он попытался немножко вперед двинуть, но – не те буквари сработали.

И. С.: Если вы видите, что человек – не подходящий для факультета, вы как с ним?

А. К.: У нас есть уже многолетние критерии. Сейчас студенты пишут, и у них накапливаются баллы за семестр. И по баллам оценивается. Это, может быть, менее эффективно, чем устный экзамен – но эта система психологически проще для меня. А раньше экзамен принимать – это была огромная психологическая нагрузка. На преподавателя больше, чем на студента.

И. С.: Потому что преподаватель должен «казнить или миловать».

А. К.: В этом-то все и дело, да. Вот сейчас приходят выпускники сорокалетней давности и так весело говорят: «Во вы мне тогда «тройку» вlepили!» К примеру, Ярослав Кузьминов.

И. С.: Это же не сбило его с ног? Нет?

А. К.: Нет, он твердо стоял на ногах. Он, кстати, сын академика, поэтому он со всеми этими, так сказать, человеческими взаимоотношениями в науке, около науки – был с детства знаком. Поэтому он, собственно, довольно удачным ректором и оказался.

И. С.: А почему у него тройка была? Он не подготовился или не умел мыслить? Плохо отвечал?

А. К.: Дело в том, что на устном экзамене роль случайности была гораздо выше, чем сейчас.

И. С.: **Не тот билет вытащил – и даже если ты умнейший человек...**

А. К.: Я про этот конкретный случай не помню. Но в принципе, что может быть в таких случаях? Вот, я думал, что ему «пятерку» поставлю, дам хорошую задачу. А он по ходу дела проявляет незнание какой-нибудь принципиальной вещи. Ну, что – значит, «трояк».

И. С.: **А сейчас такое уже невозможно?**

А. К.: Ну, сейчас пару-тройку баллов потеряет – ничего страшного, вместо «пятерки» получит «четверку». Переходить на письменную систему очень трудно. Мы время от времени пытаемся коллоквиумы всякие вводить, чтобы заставить людей поговорить.

И. С.: **«Чтобы дурость каждого была всем видна».**

А. К.: Я просто сам помню, как на экзаменах прозревал. Некоторые вещи мне именно на экзамене открывались! В ходе беседы, я, так сказать, мобилизовал все свои знания, которые вокруг и около, и потом вдруг наступало прозрение какой-то принципиальной вещи. Я просто помню экзаменационный эффект, потому что на экзамене еще и мобилизуешься.

И. С.: **А сейчас уже нет этого эффекта мобилизации?**

А. К.: Эффект мобилизации есть, но нет эффекта диалога.

И. С.: **Студенты теряют от этого?**

А. К.: Теряют, несомненно.

И. С.: **Ну, а вы можете эту потерю чем-то компенсировать? Как раньше, до революции, когда профессор приглашал студентов на обед, а там кухарка, слуги, и отличникам из супницы раздают уху...**

А. К.: Ага, у профессора были ассистенты и еще лаборанты и еще... Теперь иначе. Я сейчас контрольное сочинил, пошел, размножил, пронумеровал, контрольную провел, и с товарищем вместе все проверил ...

Я, когда пришел, наша кафедра была самая молодая. Это было 43 года назад... Нас 7 человек пришло, в один год, сразу. Сейчас кто-то на другие кафедры ушел, кто-то за рубеж уехал. Володя Ефимов – выпускник нашей кафедры – уже давным-давно в Париже. Толик Смышляев – это из тех, кто в тот год пришел, как и я – был у нас зам.зав.кафедры, а потом уехал в Вену.

И. С.: А вы не уехали. У вас, наверное, с иностранным языком было не очень?

А. К.: Если б был помоложе, можно было бы и язык выучить. Нас на мехмате учили, но, конечно, так, чтоб не дай Бог, не заговорил, так это было в Советском Союзе... Читаю и перевожу со словарем, это да...

И. С.: Расскажите еще про ваших студентов!

А.К.: Александр Александрович Аузан, он учился примерно тогда же, когда и Кузьминов. Правда, у меня в группе он не учился. Мы с ним в те времена, когда он учился на втором или на третьем курсе, взаимодействовали по экономико-математической олимпиаде. У нас с тех пор дружеские отношения возникли...

А вообще, работа с молодежью очень бодрит!

Удивительная вещь - сейчас такой матриархат надвигается... Девушки лучше учатся! Раньше это было только на младших курсах, а на старших курсах ребята выдвигались. А сейчас девушки доминируют до старших курсов...

И вообще, студенты сейчас другие... Они гораздо быстрее, шустрее в принятии решений, в поисках, контактах, чем были мы.

И. С.: Что получается? Это поколение народилось такое умное? Или вы отбираете более тщательно на вступительных экзаменах?

А. К.: Это поколение. Оно, я не скажу, что умнее. Оно, может быть, с позиции нашего старшего поколения – глупее! Потому что они не умеют рассуждать. Не умеют! У них клиповое мышление. Они запоминают картинки и иногда не могут сообразить, что две картинки, которые они увидели не подряд, расположены рядом. А у них эти картинки в разных частях сознания сидят. Но надо же сопоставлять факты.

И. С.: Чем это вызвано? Всеми этими компьютерами и мультимедийностью?

А. К.: Ну, конечно, и этим. Несомненно, компьютеры и вообще вся информационная среда изменилась, и поэтому со всей неизбежностью изменился стиль мышления людей. Это было неизбежно! Но, с другой стороны, как говорят: «Что-то главное пропало».

И. С.: Память у людей слабеет, потому что незачем помнить, можно быстро найти в телефоне любую информацию.

А. К.: Ой, найти-то можно, но только это не срабатывает, когда нужно. Когда она, информация, сидит в памяти, то это срабатывает. Ты спишь, а оно – срабатывает. Может, память даже не ослаблена. Они просто другое запоминают. Вот вы быстро найдете в телефоне ту или иную функцию? А они это делают мгновенно. Вот как управлять телефонами? Они быстрее вас найдут, а уж быстрее меня-то и подавно.

И. С.: Да, дети интуитивно нажимают кнопки и быстро разбираются с ними.

А. К.: Наука должна выжить, а для этого нужны качества уже такие, чтоб во сне срабатывало. А для этого оно должно там сидеть. И не просто сидеть и видеть фотографии, а – шевелиться.

И. С.: Так тяжелей стало с ними работать? Или легче? Что происходит? Я вас отсылаю к вашему опыту студенческому тогда – и сюда, к сегодняшнему дню.

А. К.: Студенты изменились. Я тоже изменился...

Хотя у меня все старомодное. Телефон показать? Ему лет пять всего лишь. А батарея неделю заряд держит...

И. С.: Все-таки – что изменилось в вашей работе за время вашей преподавательской деятельности? Что вы стали делать такого, чего не делали раньше? Что вы поняли из того, чего не понимали? В чем вы подняли эффективность свою, в чем не удалось? Что удалось, что не удалось? Какие достижения самые главные. Такие промежуточные итоги давайте подведем!

А. К.: Я гораздо больше стал уделять внимания объяснению студентам того, что математика – это не как считать, а как делать выводы. То есть я это сформулировал для себя.

И. С.: А они, когда приходят – этого не понимают?

А. К.: Этого сейчас почти никто не понимает. Более того, все это вытравливается, так сказать, чиновничьим подходом к преподаванию математики вообще.

Я тут слышал заседание правительства по поводу реформы образования... Это разговор партхозактива! Заседание правительства – а разговоры только о бабках! Я б сказал, что университет, слава Богу, еще выстоял в этом плане. Правда, не до конца...

Перешли на Болонскую систему... Я был против, несомненно.

И. С.: Все идет не в ту сторону?

А. К.: Что значит – идет не в ту сторону? А когда оно шло полностью в ту сторону? Вопрос риторический же. Когда оно шло как надо? Да никогда. Скажем, был рывок в развитии науки при товарище Сталине. Мы видели, что развилась физика, химия...

И. С.: Особенно в лагерях, в шарашках.

А. К.: ...Атомная физика... Университет расцвел. Хотя он расцвел, в общем, – в 50-е – 60-е годы, после Сталина. А начал при нем. Но это же не означает, что там были идеальные условия для развития всего. Ясное дело, что гуманитарные науки были в загоне тогда совершенно. Вот чтобы я сейчас сказал про нынешнюю систему образования? Вот что нужно было бы взять от советского опыта, это, несомненно, – элитное образование. На него, начиная со школы, все было нацелено! На университеты, физтех. На ведущие вузы.

Конечно, во время войны был расцвет ВПК и связанных с ним естественных наук. Но, кстати, математика у нас все же начала развиваться в 30-х, 40-х годах.

Наша студенческая команда недавно ездила в Иран на олимпиаду по эконометрике. С ними ездил человек с нашей кафедры. И наши выиграли олимпиаду по эконометрике! Там много народа участвовало. А выиграли – наши. Это как раз в плюс нашей кафедре. Это все-таки экономика математическая. Моделирование экономики. Там, конечно статистика большую роль играет...

И. С.: Не зря вы, значит, отчисляете много людей и оставляете лучших!
Проводите как бы отстрел.

А. К.: Кстати, щука в реке нужна тоже, чтоб карась не дремал. Это правильно... Надо сказать, мы хорошо учим.

И. С.: У вас самая большая жесткость. Из всех кафедр.

А. К.: Я бы сказал, что мы самые принципиальные. А не самые жесткие. Критерии у нас выработанные. Мы никого специально не выгоняем. Мы деканату благодарны – и предыдущему, и этому – за то, что на нас не давят: «Что вы там двоек понаставили!» У нас такое джентльменское соглашение, мы лучше примем лишнюю пересдачу, чем мы будем кому-то ставить тройки.

И. С.: Ну, а если вы лишних повыгоняете, то как вы восполните потери?

А. К.: Кто-то переводится. Кто-то восстанавливается, из ранее отчисленных. Восстанавливается половина, по крайней мере. Бывает, даже из отслуживших в армии. Таких, правда, сейчас не много, которые отслужили в армии. Это не популярно – в армии отслужить.

И. С.: Что, по-вашему, должны знать абитуриенты, школьники, которые готовятся поступать? Что бы вы хотели сразу им сказать? К чему им надо быть готовыми?

А. К.: К работе. К чему еще? Учеба – это труд. Настоящий труд. Понимаете? Интересный, правда.

И. С.: Вы тут все очень умные, наверное, тяжело в такой среде вариться. Мне кажется, это давит на психику.

А. К.: Нет, наоборот. Давит на психику, когда глупые... Вот выговорите, что мы зверствуем. А я довольно либерально веду себя на лекциях. Опоздавшие проходят туда-сюда. Правда, был период, когда я озверел настолько, что перестал впускать опоздавших. Потому что приходит там какой-нибудь красавец и, значит, со всей аудиторией здоровается: «Привет! Привет!» Ему отвечают: «О, давай иди сюда!» Потом я остыл. Сейчас приходит человек во время лекции, проскользнул, чтоб незаметно было, и все нормально. Что-то изменилось. Может, люди теперь более воспитанные? Все-таки они более воспитанные, чем в 90-е годы. Нравы чуть-чуть все-таки изменились. Вот – спиртное на территории университета перестали продавать. А то ведь – было.

Но в целом я разницы не вижу между своим студенчеством и нынешним. Не вижу! Тогда было меньше информации. Но рассуждали – глубже, скажем так. Я, правда, с мехматом варился, это публика в каком-то смысле специфическая.

И. С.: Чего же ищут студенты тут? Чего ждали от жизни студенты, ваши товарищи – и те, что сегодня? Что планировали? Что получили?

А. К.: Настолько все по-разному, настолько по-разному... Кто-то видел дальше, кто-то ближе. Кто-то уже понимал, что надо карьеру строить, а кто-то думал абстрактно, что, вот буду заниматься математикой, и все само получится. Я, скорее, был из тех, кто думали: куда-то да вывезет!

И. С.: Так это, значит, лучшая стратегия? Вот вы теперь – профессор МГУ!

А. К.: Ну и что, что профессор? Я, местами, весьма собой не доволен.

И. С.: А я бы на вашем месте хвастался. Говорил бы: «Обращайтесь ко мне просто – профессор».

А. К.: Это ко мне так Аузан обращается. «Привет, профессор!» – говорит. Математика, на самом деле, настолько бесконечная наука, что я знаю какой-то кусочек её.

И. С.: А вот на что мог, максимум, рассчитывать студент вашего времени – и студент сегодня? Какие перспективы сразу видны? Если, допустим, человек приходит в военное училище, он говорит: «я могу стать министром обороны или, на худой конец генералом каким-то мелким»

А. К.: Профессором может стать. В Государственной Думе есть депутат с мехмата, профессор. Кашин его фамилия. А про Мельникова слышали когда-нибудь? Про Ивана Ивановича? Это второй человек в Компартии. За Зюганова все время. В мэры он выдвигался давеча. Он моложе меня года на три. Мы в одном комсомольском бюро с ним заседали. Я, правда, там отвечал

за олимпиады математические. Собственно, я туда через олимпиаду и попал. Я даже в комитете комсомола МГУ позаседал. Мельников... Я не считаю, что это большая карьера. А вот на мехмате он командовал кабинетом элементарной математики! Под его руководством осуществлялась общественная деятельность.

И. С.: Давайте вернемся к выпускникам Эконома с вашей кафедры. Кто из них выше поднялся?

А. К.: Первый вице-премьер Дворкович – выпускник нашей кафедры. До этого самым высокопоставленным считался Данилов-Данильян, который был советником президента. Потом он ушел в бизнес. С нашей кафедры – Андрей Нечаев – первый министр экономики в правительстве Гайдара. Петя Авен...

А вот еще у меня яркое воспоминание о Сергее Дубинине. Я, когда пришел сюда, он был комсомольским секретарем. И я с ним вместе принимал государственный экзамен по научному коммунизму. Комиссии приемные формировались по тройкам. В этой тройке: коммунист, стало быть – с кафедры научного коммунизма. Представитель общественной организации. И представитель выпускающей кафедры, это я. Я был зам.зав. кафедрой, в общем. И вот мы сидим. Сначала коммунист вышел в тамбур покурить. Потом Дубинин вышел позвонить. И когда они вышли, по аудитории буквально шорох прошел. Сижу я и сидит студент. Он туфту говорит, а я эту туфту слушаю. А до этого-то они мне матанализ сдавали, и для них сама эта ситуация была интересная...

И. С.: Вы что им ставили?

А. К.: Эти, у которых я один принимал, все «пять» получили, конечно.

И. С.: Мы всех перечислили самых успешных?

А. К.: Не всех, конечно. Шохин у меня учился. Улюкаев – тоже у меня. Про Алексащенко не помню, учился он у меня или нет. С Гайдаром встреча у

меня произошла на похоронах Шаталина. Мы в траурной процессии рядом оказались. И вот я на него смотрю и думаю – здороваться или нет. Я его знаю по телевизору, а он меня знает по факультету. Я, может быть, в те времена лекции читал у него. Как студента я его не запомнил.

И. С.: А есть же у вас не только успешные, но и какие-то непонятые гении, да? Ваши выпускники.

А. К.: Есть спившиеся. Были очень яркие студенты, и начало карьеры у них было вполне себе успешное. А потом немножко по состоянию здоровья они стали уже не такими яркими.

И. С.: Особенно если в студенчестве человек не допил. Вы вот задаете им много уроков, человеку некогда в молодости оттянуться, а потом он думает: «Ну, теперь расслаблюсь!»

А. К.: Да, да, да, он потом оттягивается. Мы свою лепту в это, несомненно, вносим.

И. С.: У вас некоторые выпускники увлекались алкоголем. Как у вас с этим?

А. К.: Нет, я нет, я – сухонькое, иногда, по большим праздникам.

У меня защита. У меня устойчивость, даже к наркотикам. У меня аппендицит был, с перитонитом. И мне кололи морфий. Я даже один раз попытался сопротивляться, потому что начал проваливаться – это ужасно неприятно. Противно стало.

И. С.: Вот куда сегодня идут выпускники? Куда они делись? Вы же следите, одним глазком хотя бы? Что, они сидят в банках?

А. К.: И в банках. И организуют сами свои фирмы. Кто-то в чиновники идет. Спектр самый широкий. Кто-то временно безработный... Кто-то начинает машины разбирать и продавать их на запчасти. Причем они не считают себя лузерами. Кстати, у нас троечница была - на нашей кафедре, выпускница

магистратуры. А недавно узнаю – она министр экономики региона, и не маленького! Самый широкий спектр! В общем, грубо говоря, выпускники наши не залеживаются. Что да, то да. И при советской власти кибернетики улетали прям слету. Правда, их и «ящики» тоже себе норовили забрать. Правда, отпихивались все от «ящиков», в экономику хотели. Однокурсник мой один в «ящик» распределился, а сейчас – директор академического института. Кулешов, это Институт проблем передачи информации.

Да, и еще тот же Андрей Белоусов – выпускник нашей кафедры. Уважаемый человек и он, по крайней мере, глупостей, там не натворил, в верхах.

Вот нынче опубликовали рейтинг, где Московский университет на 25 место поставили. А на самом деле, думаю, повыше можно было поставить, если посмотреть, кем становятся выпускники. Магистратуры зарубежные, думаю, тоже в рейтинг внесли вклад. Наших выпускников берут с большим удовольствием. Я вот сколько человек рекомендовал в зарубежную магистратуру! Их стопроцентно брали. В Сорбонну, например. И в американские университеты разные. Кстати, есть профессор Принстонского университета – выпускник нашей кафедры – Олег Ицхоки. У нас порядок на факультете. Другое дело, думаю, сейчас на физфак, на химфак зайти – там слезы наворачиваются. Разруха! До сих пор разруха. Как люди ещё умудряются работать? У нас вот новое здание...

... Как учить студентов? Я все время с Василием Петровичем Колесовым спорил, говорил, что на самом деле разных студентов надо учить по-разному. Вот одни чувствуют человеческие страсти. А другие – пропорции, числа, направления, векторы. Вот это и выражалось в том, что у нас были разные специальности, это были «фишки» факультета. Демография, зарубежка, матметоды – это всё были «фишки» факультета. Наши выпускники все равно разлетаются, все равно уровень какой-то есть, но вот «фишек» не стало. Сейчас «фишка» одна – математическая подготовка экономиста. Вот и всё! А ведь у нас и краеведы были, по разным странам. Языковая подготовка была

дополнительная по разным направлениям. У нас все было вплоть до китайского языка! Приглашали преподавателей, собирали небольшие группы и готовили специалистов по каким-то странам. Это было востребовано! Но нам сказали: «Все должны быть одинаково хорошо подготовлены!» И произошло разорение элитного образования!

И. С.: Значит, вы утверждаете, что при болонской системе университеты многое потеряли?

А. К.: Ведущие университеты – да, многое потеряли. Болонская система, в моем представлении, это борьба средненьких и слабых университетов за свои права. Может быть, в этом процессе есть положительный эффект, именно для средних и слабых университетов, это процесс их причисления, выведения хоть какой-то достойный уровень, скажем так. За счет того, что, вот с ними работают, они общаться начинают, обмен специалистами идет. Создание единых стандартов – это вещь совершенно необходимая для нашего массового образования. А элитное образование за счет этого просело.

И. С.: Вот это тяжелое положение, в которое попали элитные вузы в связи с Болоньей, – как можно выкрутиться в этой ситуации? За счет чего? Что удастся сделать для того, чтобы даже в условиях болонской системы получать элитные кадры?

А. К.: Я могу только за свою кафедру сказать. Она в этом смысле, очень хорошо смотрится на факультете. Это я так себя похваляю. Понимаете, преподаватель учит свою группу, и он же в этой группе ставит оценки. А потом результаты его труда оцениваются по рейтингу этой группы. С этим предыдущий деканат пытался бороться, вводя жесткую балльно-рейтинговую систему. Чтоб получить «5» – надо набрать 85% баллов. Значит, на работу с отличником остается мало. Но это всего лишь внешний эффект, это чиновничий подход! Вот «давайте установим критерии, и у нас все будет в порядке...»

Значит, по какому пути пошла наша кафедра? Еще, заметим, даже до прихода Василия Петровича, в 90-х годах. Основой нашей оценки является поточная и контрольная работы! Поток – это несколько групп и преподаватели, которые на этом потоке работают – они проверяют, но только не свою группу. И у нас, пардон, не 85% баллов на пятерку набирают, а процентов 60 баллов. И, наоборот, у нас отличники выстреливают, они приближаются к 100 баллам. Люди, действительно, соревноваться начинают. Друг перед другом выпендриваются.

И. С.: И что, времени больше удается уделить отличникам?

А. К.: По крайней мере, мы их видим. Но, конечно, на троечника все равно больше времени уходит. А в сессию – на двоечника. Я по фамилиям знаю либо совсем ярких студентов, либо уже ярких двоечников.

И. С.: А раньше, до Болонской системы, с отличниками вы работали больше?

А. К.: Трудный вопрос... Раньше я и моложе был, поэтому работал по-другому и успевал больше. А сейчас я, несомненно, успеваю меньше. Раньше-то мы не вешали в интернет оценки. Ну, списочек в лучшем случае вешали на стенке. Теперь – в интернет. А это дополнительная нагрузка. Но все равно мы работаем дополнительно с отличниками. На нашей кафедре система семинаров, самая широкая. Эти семинары родились как научные, но сейчас больше учебно-научные.

Хотя я считаю, что компенсировать все потери невозможно. Ну, вот простой пример. Сейчас у бакалавров нет такого предмета как география. А если учесть, что и ЕГЭ они не сдают по географии... Ну, что это за экономист, который не знает географии? Он не знает, что где находится. Многие их них реально не знают. Это вот одна из издержек. Дело в том, что из-за болонской системы на бакалавра фактически учатся 3,5 года. А не четыре – поскольку последние полгода, это, пардон, выпуск.

На самом деле бакалавриат придумали американцы. Для чего? Чтобы снимать сливки со всего мира. Они не очень вкладываются в младших, а вкладываются в магистратуру. К ним едут! Они за чужой счет живут. Как и во всем, заметим. За чужой счет!

И. С.: Вот если бы вас спросили: «Почему надо поступать на экономический факультет?»»

А. К.: Поступать сюда надо, только если тебе этого хочется.

И. С.: А вот расскажите про «Капитал» Маркса! Ваши выпускники дают на него очень разные рецензии.

А. К.: «Капитал» действительно какой-то магией обладает.

Но его читать трудно было. На мехмате, слава Богу, не очень нас этим мучили. А здесь-то люди его изучали. Они пытались почерпнуть оттуда методологию научного исследования. Самое интересное, это действительно была методология научного исследования. А я в «Капитал» так и не погрузился...

Думаю, что люди, которые учились на экономическом факультете – они очень многое почерпнули из Маркса. Способ мышления, например. А микро и макроэкономика – это другая крайность. Вот, смотрите, в соответствии с этой наукой, процветающей, создаются мыльные пузыри, вот эти вот Lehman Brothers, и всякие деривативы. А у Маркса все-таки была попытка привязать взаимоотношения к реальному производству. Еще про микро-макро, я хочу сказать, что на самом деле это наука, которая сейчас с большим успехом затушевывает суть дела. Далеко не все специалисты понимают, что это лукавая наука. Макроэкономика на самом деле очень многие вещи пытается спрятать. Например, нас все учат: «Рынок – он всё расставит по местам, рынок справедлив». Ну, так вот, это главное место, где сейчас прячется несправедливость. Рынок сейчас завоевывать не выгодно!

Скажу еще раз о главном. Надо, на самом деле, поддержать ректора в том, что в Московском университете, в Питерском, в ведущих ВУЗах страны – просто 6 лет надо учить. Вот просто. Не бакалавриат, не магистратура, а просто 6 лет.

И. С.: Это реально, как вы считаете?

А. К.: Ну, вот Сан Саныч наш дорогой, он много в верхах общается, и считает – что нереально. Но это он слишком проникся интересами верхов, по-моему. Он их понимает! Не знаю, из каких соображений. Я на таком высоком уровне, как Сан Саныч, никогда не был и уж не буду.

И. С.: Кстати, а нужно ли столько экономистов, сколько у нас?

Посмотрите на нашу бедную экономику... Может, переполовинить?

А. К.: Это – пожалуйста, ради Бога. И еще – сократить количество ВУЗов, которые готовят экономистов...

Но нас – оставить!